

Кімітака Мацузато

ЯДРО ИЛИ ПЕРИФЕРИЯ ИМПЕРИИ? ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО И МАЛОРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Валентина Шандра. *Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Функції, структура, архів.* – К.: УНДІ архівної справи та документознавства, 2001. – 355 с.

Генерал-губернаторства в Российском государстве играли решающую роль для сохранения многонациональной империи – подобно тому, как ключевыми органами, цементирующими многонациональную Советскую империю, являлись центральные комитеты компартий союзных республик. Оба института не существовали во «внутренних регионах» (среди союзных республик только РСФСР не имела ЦК республиканской компартии). Несмотря на их исторически-государствоведческое значение, ни то ни другое не привлекало до сих пор должного внимания историков. Поэтому исследования Валентины Шандры, активно работающей над этой темой и интенсивно публикующей результаты своих наблюдений, следует с радостью приветствовать. В самом деле, после издания в течение столь короткого времени двух книг подряд (1999¹ и 2001 гг.), проливающих свет на Киевское и Малороссийское генерал-губернаторства, читатели не могут не ожидать с нетерпением третьей книги, надо предполагать – о Новороссийском генерал-губернаторстве².

В рецензируемой работе, как и в предыдущей, Валентина Шандра принимает хронологический стиль изложения и, в частности, освещает личность и работу каждого

го генерал-губернатора. Однако легко угадать, что вторая книга потребовала от Автора больше усилий, чем первая, для выявления нужных источников, поскольку архивные фонды Малороссийского генерал-губернаторства были утеряны во время Второй мировой войны (ср. сведения, по-данные в рецензируемой книге на с. 228-229), тогда как материалы канцелярии киевского генерал-губернатора уцелели и хранятся в ЦГИА Украины в более или менее хорошем состоянии. Валентине Шандре приходилось широко использовать печатные источники: опубликованные письма, мемуары чиновников невысокого ранга и т.д. Новшеством второй книги по сравнению с первой является и то, что здесь подан обзор эволюции системы генерал-губернаторств XIX в. в целом по империи (раздел 2), основанный на исследованиях дореволюционных государствоведов А. Д. Градовского, И. А. Блинова, С. М. Середонина и др. Однако если первая книга охватила весь период существования Киевского генерал-губернаторства (1832-1914), то во второй Автор отказалась от анализа истории Малороссийского генерал-губернаторства в его начальной фазе – при Екатерине II.

Упомянутая выше хронологическая методика продиктовала описательный, а не аналитический стиль изложения. Поэтому основная схема работы, то есть от децентрализации при Екатерине II и Александре I к централизации при Николае I, оказалась не только стереотипной и проблематичной (об этом речь пойдет ниже), но и слишком упрощенной, чтобы систематизировать обилие фактов, изложенных в книге. Внимание к персоналиям генерал-губернаторов имеет несомненное методологическое преимущество, однако некоторые сюжеты (например, инкорпорация казаков в сословную систему империи и проблема винной монополии) были бы более ясны, если бы об этом было написано тематически, а не строго хронологически. По некоторым проблемам факты, взятые из источ-

ников, представлены в «сыром» виде, без должных дополнительных объяснений (это касается, например, административной и судебной реформы в Левобережной Украине). Жаль также, что в книге не сравнивается деятельность малороссийских генерал-губернаторов с работой их киевского и новороссийского коллег, хотя сама Валентина Шандра провела исследование по двум последним. Такой же схематичностью страдает и историография проблемы, представленная в первом разделе. В частности, осталось неясным, в чем Валентина Шандра видит слабости предшественников и что намеревается добавить к их исследованием (например, работам Зенона Когута³ и Андреаса Каппелера⁴) либо как пытается преодолеть их слабости. Из-за указанной теоретической слабости книги читатели будут вынужденно знакомиться с множеством событий и фактов не зная, какую задачу ставил перед собой Автор.

Недостаточное внимание, обращенное на концептуализацию проблемы, конечно, исходит не от нехватки способностей и трудолюбия. Скорее – это результат того странного самоограничения, которое было свойственно периферийным историкам из советских республик. Однако Киев – это уже не провинция СССР, а столица независимого государства, и нынешние украинские диссертации молодых ученых Украины не уступают диссертациям их российских коллег. Поэтому хотелось бы, чтобы и старшее поколение исследователей работало и мыслило по-новому.

Возвращаясь к основной схеме книги – об изменении характера генерал-губернаторств Российской империи в целом и Малороссии в частности («от децентрализации к централизации»), – должен сознаться, что оцениваю эту схему весьма критически. Во-первых, здесь присутствует элементарная концептуальная путаница: в прежней работе, посвященной Новороссийскому генерал-губернаторству, Валентина Шандра называла Российскую импе-

рию даже «унитарной» (!?)⁵. Однако само существование данного института предполагало, что в империи есть огромные периферийные территории, которые не управляются по общероссийским законам, и поэтому там нужно установить персональную, оперативную, надзаконную и харизматическую власть в лице генерал-губернатора. Так было зафиксировано разделение империи на «внутренние» и периферийные регионы. Если изложить это в двух словах, то суть генерал-губернаторства заключается в де-концентрация государственной власти. С точки зрения юридической точности, она (деконцентрация) не вписывается в биполярную схему «централизация/децентрализация». Примечательно, что дореволюционные критики системы генерал-губернаторств, начиная от либеральных юристов, таких как А. Д. Градовский, и заканчивая чиновниками МВД, такими как Д. С. Сипягин, обвиняли ее в тенденции к децентрализации⁶, а если воспользоваться выражением Владимира Путина – в помехе к созданию «единого правового пространства».

Мне трудно понять, почему Валентина Шандра, уже исследовавшая Киевское генерал-губернаторство, считает, что генерал-губернаторы во время позднего царизма были менее самостоятельны, чем наместники при Екатерине II и Александре I. Инструкция генерал-губернаторам 1853 г. определяла, что *никакая новая мера, или особое распоряжение, относящееся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае, не предпринимается иначе, как по предварительному истребовании соображений и заключения генерал-губернатора* (с. 37)⁷. Данная статья соблюдалась достаточно строго. Например, в западных губерниях земства не были введены в 1864 г. просто потому, что киевский генерал-губернатор Н. Н. Анненков и виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев категорически возразили против этого, опасаясь активности местных дворян польского происхождения. В 1903 г. земские

начальники были введены только в северо-западных, а не в юго-западных губерниях, и также потому, что бывший виленский генерал-губернатор (1897-1901) В. Н. Троцкий поддержал введение этого института, тогда как киевский генерал-губернатор М. И. Драгомиров не считал целесообразным его появление в Юго-западном крае⁸. Мне известен только единственный пример, когда важное государственное мероприятие принималось по Правобережной Украине без согласия киевского генерал-губернатора – это Эмский указ, изданный Александром II за границей, без согласия и даже без ведома тогдашнего киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова⁹.

Собственно говоря, в Российской империи и не могло существовать всеобщей национальной политики, суммируемой как «эпоха централизации» или наоборот, а существовали только конкретные политики по отношению с конкретными народами или регионами. Великорусский элемент в империи был настолько слаб, что сохранить ее удавалось только благодаря применению этно-бонапартизма. Известно, что антипольская политика Санкт-Петербурга после периода управления киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова сопровождалась более или менее прокрестьянской (проукраинской) политикой. Попытка некоторых чиновников царской администрации распространить на балтийских немцев ограничение права приобретения земель, действовавшее по отношению к полякам, не увенчалась успехом именно потому, что ограничение права немцев означало бы нечто иное сравнительно с ограничением права потенциальных покупателей земли – поляков¹⁰.

Нужно также отметить, что схема, представленная в рецензируемой книге «от децентрализации (при Екатерине II и Александре I) к централизации (при Николае I)», – противоречит эмпирическим фактам, которые сама Автор излагает. Малороссийские генерал-губернаторы

А. Б. Куракин (1802-1807) и Я. И. Лобанов-Ростовский (1808-1816), несмотря на то, что являлись носителями александровского духа, были намного более жесткими централизаторами, нежели В. В. Левашов (1835-1836), носитель николаевского духа, но вместе с тем администратор, который с большим сочувствием относился к малороссийской специфике, даже после скандала регионализма Н. Г. Репнина. Примечательно, что бывший киевский генерал-губернатор В. В. Левашов, в свое время беспощадно подавивший первое польское восстание, старался защитить давние привилегии малорусских казаков.

Валентина Шандра не подвержена давлению националистических ценностных суждений, поэтому задачи ее книги ограничиваются анализом интеграции Малороссии в империю, а не ассимиляции или русификации украинского населения. В этом смысле позиция Шандры перекликается с точкой зрения Зенона Когута, который также отказался от анализа русификации Малороссии, требующего, по его мнению, «экстенсивного исследования украинско-российских языковых и литературных отношений, а также образования, общественной жизни, карьер украинского дворянства и духовенства»¹¹. Однако именно из-за этой научной осторожности и добросовестности ни Когут, ни Шандра не отвечают на базовый в данном случае вопрос: что представляла собой малороссийская идентичность? Это непременно вызовет неудовлетворенность читателей, тем более что они уже ознакомились с интересной книгой А. И. Миллера по этой проблеме¹².

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что наблюдения дореволюционных российских государствоведов над системой генерал-губернаторств отражены в рецензируемой книге неточно. А тем временем эти наблюдения коренным образом противоречат взгляду Зенона Когута, согласно которому Малороссия была только объектом интеграции для Российской империи. Ведь, как пишет

сама Валентина Шандра, А. Д. Градовский и И. Блинов доказывали, что генерал-губернаторства вплоть до 1820-х гг. не считались органами периферийного управления¹³. Скорее, генерал-губернаторам вменялся в обязанность надзор за управлением, которое осуществляли губернаторы. Иначе говоря, в качестве чистых администраторов должны были работать губернаторы. Соответственно, посты генерал-губернаторов учреждались по всей империи – не только в периферийных, но и во внутренних регионах, а впоследствии были упразднены во внутренних губерниях как логическое завершение введения системы министерств в начале XIX в., поскольку последние по самой своей природе не совместимы с существованием любой посреднической структуры между центром и периферией. По мнению А. Д. Градовского, ключевым в изменении характера генерал-губернаторств стал 1827 год, когда специальный комитет, созданный для обсуждения данной проблемы, постановил вменить самим губернаторам обязанности надзора. Тем самым генерал-губернаторский пост во внутренних губерниях, по сути, упразднялся; его признавали необходимым лишь для некоторых местностей империи, представляющих какие-нибудь особенные условия¹⁴. Впоследствии генерал-губернаторства во внутренних губерниях были постепенно ликвидированы, зато полномочия тех генерал-губернаторов, которые остались на перифериях, значительно расширились.

Правда, этот процесс растянулся надолго: даже накануне отмены крепостного права прозвучало реакционное предложение повсеместного введения генерал-губернаторств в империи¹⁵, а их полная ликвидация во внутренних губерниях была осуществлена только в 1860-е годы. Этим объясняется упразднение генерал-губернаторств в Малороссии – Слободской Украине (1856), в Беларуси (с центром в Витебске, 1856 г.) и Санкт-Петербурге (1866). При этом если упразднение генерал-губернаторств в Но-

вороції–Бессарабії (1874) і Западної Сибірі (1882) було связано з удачним освоєнням цих регіонів, то посту малороссійського і вітебського генерал-губернаторів упразднялися як логічне завершення перемен в політиці царизму, начатих в 1820-ті роки.

Валентина Шандра подробно проаналізировала законодательство первой половины XIX в. по генерал-губернаторам, однако не сделала вполне очевидного, как мне кажется, вывода, который следует из этого анализа: введение и восстановление должности малороссийского генерал-губернатора в XVIII и начале XIX в. ни в коем случае не служит доказательством периферийности Малороссии, или того, что в глазах Санкт-Петербурга Малороссия являлась только объектом интеграции. Весьма характерно, что после установления в 1826 г. курса на управление генерал-губернаторств во внутренних губерниях Малороссия (в отличие, например, от Новороссии) не входила в число регионов, где предполагалось сохранение этого института¹⁶. Существенное значение имеет и тот факт (похоже, впервые введенный Шандрай в научный оборот), что при восстановлении Малороссийского генерал-губернаторства в начале XIX в. первый генерал-губернатор А.П. Куракин очень внимательно разграничили свою юрисдикцию с Новороссией (с. 67-68). Не служит ли это доказательством того, что, несмотря на романтическое преувеличение экзотичности Малороссии, она все-таки считалась в глазах царских сановников «внутренней губернией»?

Мне кажется, что своеобразное «москворечество», согласно которому строительство Российской империи после реформ Петра I рассматривается как продолжение экспансии Московского государства¹⁷, вытекает из очевидного преувеличения потенциала России и великороссов. Более оправданной кажется та точка зрения, согласно которой территориальное ядро модерной Российской

ской империи составляли три макрорегиона: бывшая территория Московского государства, Волго-Уральский регион и Левобережная Украина. Завоевание Волго-Уральского региона дало России легитимность «собирания золотоордынских земель»¹⁸, а также золотоордынскую политическую технологию, необходимую для управления огромными пространствами¹⁹. Присоединение Левобережной Украины сопровождалось притоком передовых политических и теологических течений, которые подготовили петровскую реформу и, в итоге, превратили Россию в европейскую державу²⁰. Без коалиции с Левобережной Украиной Россия не смогла бы победить в острой борьбе с Речью Посполитой и Османской империей, а соответственно – осталась бы доныне страной северо-восточной Европы среднего масштаба.

Не случайно, что три упомянутых макрорегиона были «собраны» к середине XVII века. Как только территория империи расширилась за их пределы благодаря завоеванию Остзейских земель в начале XVIII в., традиционную воеводскую систему управления заменила новая, и явно заимствованная извне, система губерний и генерал-губернаторств. Архитекторы реформ Петра I правильно поняли, что далее экспансия России приобретет иной характер. Однако при этом структура Российской империи оказалась настолько консервативной и инертной, что до конца царизма в основном только эти три макрорегиона пользовались статусом «внутренних губерний» с однородной системой управления, основанной на общероссийских законах (как земства, выборные мировые судьи до контрреформы и земские начальники после нее). Единственное исключение представлял регион, который начинал как типичная периферия в конце XVIII в., но уже к Великой реформе поднял свой статус до «внутренних губерний», – это новороссийские губернии, где земская, судебная и крестьянские (1874 и 1889 гг.) реформы осуществились одно-

временно с традиционными внутренними губерниями, что стало возможно благодаря предшествующей удачной деятельности новороссийских генерал-губернаторов.

На мой взгляд, генерал-губернаторства после изменения их характера в 1820-х гг. (то есть специализации в периферийном управлении) диверсифицировались на две группы, если оставить в стороне крайне специфические генерал-губернаторства Царства Польского, Финляндии и Остзейских губерний. Первую группу можно назвать этнобонапартическим типом, который действовал в регионах с очень неблагоприятными (для русских) этническими условиями: Киевское, Виленское, Кавказское и Туркестанское (Ташкентское) генерал-губернаторства. Здесь генерал-губернаторы непрестанно занимались этническими вопросами. Вторая группа состояла из новых, малонаселенных регионов, которые требовали от генерал-губернаторов применения оперативных мер для быстрого освоения этих земель. В эту группу входят генерал-губернаторства: Новороссийское, Западное и Восточное сибирские, Приамурское (дальневосточное); при этом Новороссийское и Приамурское были также связаны с крупными портами региона. Поскольку здешние генерал-губернаторы занималась и хозяйственными делами, можно считать, что они более соблюдали камералистскую традицию института генерал-губернаторств, чем это наблюдалось в первой, супермодерной группе. Функция Малороссийского генерал-губернаторства, по-видимому, располагалась ближе ко второй, хозяйственной группе, и это вполне естественно.

Важно добавить, что ядровой статус того или иного региона в империи не означал потери исторической и этнической специфики. Так, Волго-Уральский регион до конца сохранял мусульманский и языческий облик, а Малороссия никогда не забывала о «казацких вольностях». Более того, как это бывает с любой коалицией, коалиция старой территории Московского государства и Малорос-

сии не избегла внутренних трений. Однако примеры таких трений, приведенные в рецензируемой книге, только дополнительно подтверждают коалиционный характер взаимоотношений Малороссии с центром, а также ядерной характер самой Малороссии. Приведу примеры:

1) Нарекания возникали исключительно на почве материальных интересов (вокруг проблем винной торговли, включения местной элиты в общероссийские чины и военные звания, материальной помощи казакам и т. д.), а не на этноконфессиональной почве.

2) Малороссийская элита имела представителей своих интересов среди сановников малорусского происхождения в Санкт-Петербурге, таких как Д. П. Троцкий и В. П. Кочубей, поэтому малороссийские генерал-губернаторы часто оказывались между молотом и наковальней.

3) Малороссийские генерал-губернаторы нередко были привязаны к малороссийской элите путем вступления в родство через браки²¹; впрочем, и без этого, если генерал-губернатор оказывался самостоятельным и думающим человеком – он волей-неволей превращался в своего рода наследника последнего гетмана К. Г. Розумовского, как это произошло с П. А. Румянцевым, Н. Г. Репниным и В. В. Левашовым, а усиление сепаратизма всегда преодолевалось политической и закулисной координацией, но не откровенными репрессиями.

4) Политика Санкт-Петербурга в отношениях с малороссийской элитой определялась военными нуждами империи: во время войн правительство щедро давало малороссийской элите обещания улучшить ее положение, а после войн часто «забывало» их (ср. войну с Наполеоном, первое польское восстание и Крымскую войну); таким образом, даже после значительного развития российской регулярной армии казацкая традиция Малороссии оставалась одним из источников военных ресурсов империи.

На основании приведенных примеров мы можем говорить о симбиозе общеимперской и местной элиты, паралель к чему трудно найти в отношениях, скажем, с западными губерниями, которые находились под влиянием элиты польского происхождения.

Наконец, последнее по очереди, но не по значимости. Валентина Шандра ретроспективно проектирует современные представления об автономии на первую половину XIX в., не принимая во внимание, что в те времена, при отсутствии механизмов демократии, «автономия», как правило, могла означать только сохранение феодальных привилегий верхнего слоя общества. Об этом свидетельствует ситуация в Остзейских губерниях, и из-за этого даже у относительно либеральных интеллектуалов, таких как А. Д. Градовский, сложилось крайне отрицательное мнение об автономистском подходе к имперскому строительству. Я не считаю трагедией для малороссийского населения то, что регион инкорпорировался в общероссийское правовое пространство раньше, чем другие части Украины. Например, именно благодаря этому здесь появились выборные земства и выборные мировые судьи уже тогда, когда во многих странах мира (в том числе Японии) подобной системы еще не существовало.

¹ Шандра В. *Київське генерал-губернаторство 1832-1914: Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал*. – К., 1999.

² См.: Шандра В. *Новоросійське і Бесарабське генерал-губернаторство (1822-1874): основні напрями діяльності, структура* // Четвертий Міжнародний конгрес україністів. – Одеса, 1999. – С.46-54.

³ Kohut Z. E. *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760-1830s*. - Cambridge: Mass., 1988 (украинский перевод: К., 1996).

⁴ Каппелер А. *Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад*. – М., 1997.

⁵ Шандра В. *Новоросійське і Бесарабське генерал-губернаторство...* – С. 53.

⁶ О критике Д. С. Сипягиным системы генерал-губернаторств см.: А. В. Ремнев. *Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Императорский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века / Под ред. П. И. Савельева.* – М., 1997. – С. 63.

⁷ *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный.* Изд. 1857 года. Т. 2, ч. 1. – СПб., 1857. – С. 56, ст.329.

⁸ Ср.: Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas. – Ф. 378 (Канцелярия виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора), 1903 год, оп. «Общий отдел», д. 151, лл. 2, 62-65 об. и др.

⁹ Щербак Н. О. *Національна політика царизму у Правобережній Україні в кінці XIX – на початку ХХ ст. (За матеріалами звітів місцевих державних установ).* Дис. ... канд. іст. наук. – К., 1995. – С. 36-42.

¹⁰ Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire during the Reign of Nicholas II, 1894-1905* (Ph.D. thesis, Harvard University, 1996). – Р. 93-94.

¹¹ Kohut Z. Op. cit. – Р. 3.

¹² Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – М., 2000.

¹³ Градовский А. Д. *Собрание сочинений.* Т. 1. – СПб., 1899. – С. 321-324; Блинov Ив. *Губернаторы: историко-юридический очерк.* – СПб, 1905. – С. 233-234.

¹⁴ Градовский А. Д. Ук. соч. – С. 323-324. См. также в рецензируемой здесь книге, с. 201.

¹⁵ Морозова Е. Н. *У истоков земской реформы.* – Саратов, 2000. – С. 97.

¹⁶ Градовский А. Д. Ук. соч. – С. 328. Ср. в рецензируемой здесь книге с. 49.

¹⁷ Этот взгляд типично представлен названием книги Зенона Когута: «*Русский централизм и украинская автономия*». Здесь Малороссия представляется только как антипод экспансии Российской империи.

¹⁸ Каппелер А. Ук. соч. – С. 22-48.

¹⁹ Yaney G. A Proposed Re-Examination of Russian History // Acta Slavica Iaponica. – 1992, т. X. – Р. 1-32; Хаким Р. История Татар и Татарстан. – Казань, 1999.

²⁰ Raeff M. Understanding Imperial Russia. – New York, 1984. – Р.14-33.

²¹ Например, жена Н. Г. Репнина была внучкой последнего гетмана К. Г. Розумовского; жена А. Г. Строганова была дочерью министра внутренних дел, председателя государственного совета В. П. Кочубея.